

РС.Ф.СР. ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ

КРАСНОАРМЕЕЦ

СМЕРТЬ
ВРАНГЕЛЮ!

ВРАНГЕЛЬ ДОЛЖЕН
БЫТЬ УНИЧТОЖЕН

Надо помнить!

Борьба с Врангелем затянулась.

Могущественную, хорошо подготовленную польскую армию мы разгромили в три месяца, а с двадцатеро слабейшей крымской белогвардейщиной не можем справиться и в шесть. Почему? Да прежде всего потому, что многие из нас еще не сознали ясно, чем грозит нам врангельская белогвардейщина. Многие думают так: Врангель не страшен; он для Советской России то же, что мышь для кота. На него и сил много тратить не стоит. Вот добьем Польшу, тогда и закончим с Врангелем одним ударом.

Это самохвальство пора оставить.

Три года уже мы воюем с белогвардейщиной и за три года могли не раз убедиться в том, что нельзя пренебрегать даже самым маленьким врагом.

Что такое чехо-словацкий корпус по сравнению с Россией? А между тем из него, как из зерна, выросло огромное дерево сибирской контр-революции.

Что такое Юденич? А между тем два раза подходил он к самым стенам Петрограда.

Не велика птица и барон Врангель.

Но надо помнить, что, воюя с Врангелем, мы воюем с мировой контр-революцией. Надо помнить, что за Врангелем стоит Антанта, что за отрядом белой армии в Крыму стоит белая армия всего буржуазного мира.

Мы потрепали эту армию в трехлетней войне, мы разгромили десятки ее отрядов, но она еще жила.

Каждый раз после разгрома белых сил нашими красными войсками Антанта отводит их в тыл, формирует, пополняет и снова бросает на нас.

Еще в 1917 г. Антанта натравила на нас Румынию, потом Японию и чехо-словаков. Она поддерживала Каледина, Дугова, Семёнова, Колчака, Деникина, Юденича. Она посылала на помощь врагам Советской России не только оружие и снаряжение, но и свои бронепоезда и свои войска. На севере дашей Красной армии приходилось иметь дело и с американцами, и с англичанами, и с сербами, и с итальянцами, на юге — с черными войсками, набранными в английских и французских колониях. Руками английских палачей были заданы представителям Советской власти в Баку.

Но Антанта не удалось задвинуть нас ни своими собственными руками, ни руками русских контр-революционеров.

И вот теперь у нее возник другой план: натравить на нас 14 малых «наций» (нациями у Антанты называются буржуи каждой страны). Частью ей это удалось: Эстония, Финляндия и Латвия уже пробовали свои силы

в борьбе с нами. Теперь попробовала и Польша. Советский орех оказался и ей не по зубам... Польша разбита Красной армией, но она помешала Красной армии добить Врангеля.

А теперь Врангель старается нам помешать добить Польшу.

Мы видим, что Врангель не один; с ним Польша, с ним Антанта, а с Антантой вся мировая контр-революция.

Дипломаты Антанты уже давно пытаются поднять на нас Румынию; они не теряют надежды снова натравить на нас Финляндию, Литву, Латвию, Эстонию и даже Германию.

На днях по воле антантовских заправил — Миллерана и Ллойд-Джорджа — созывается съезд представителей балтийских государств. И на этом съезде в первую голову будет поставлен вопрос о борьбе с Советской Россией.

Дипломаты Антанты, пользуясь тем, что Красная армия, преследуя польских панов, уже подошла к границам Румынии и Германии, запугивают румынских и немецких буржуев.

Они говорят им: «Когда большевики разобьют Польшу, они упадут на вас. Не теряйте же времени и начинайте лучше войну с большевиками сейчас, пока еще не разбита Польша и не добит Врангель».

Белые правительства соседних стран боятся мирного соседства с нами, но боятся и войны с Советской Россией: пример Польши у них перед глазами.

И вот пока они собирают на границе свои войска и ждут, что будет. Как трусоватые шанкалы, они готовы пасть на нас, если мы ослабеем в борьбе.

Мы знаем, что военные успехи Пилсудского в начале мая заставили румынское правительство прервать с нами начавшиеся переговоры о мире; то же самое сделало и финляндское правительство. Такова и буржуазия всего мира: она готова мириться с рабочими и крестьянами только тогда, когда рабоче-крестьянский штык приставлен к ее груди.

Помните же, товарищи, что наш мир на острие нашего победоносного штыка.

Наш мир должен быть завоеван последними решительными ударами и на Западе, и на Юге. И пусть не будет отныне неудач на Красных фронтах.

К победе — и на Западе и на Юге!

Польская шляхта должна быть раздвинута!

Врангель должен быть сметен с лица земли!

Н. Горлов.

КРАСНОАРМЕЕЦ

ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ И ПОЛИТИКИ

№ 26. Август 1920 г.

На Врангеля!

Опять грабительскую лапу
К нам тянет царский генерал.
Мы обратились все на запад,
А с юга—вор на нас напал.

Вперед, товарищи, смелее!
Насильник панский оглушен.
Сметайте в море не жалея
Баронский воровской притон.

Не время ждать, не время медлить,—
Пусть знает каждый из бойцов:
Барон уж заготовил петли
Для наших братьев и отцов.

Не зря мы заслужили славу—
Героев красных не побьешь.
Один наш крик:—„Даешь Варшаву?“
Теперь мы крикнем:—„Крым даешь?“

В. Лебедев.

СИЛЫ ВРАНГЕЛЯ

Крымский фронт считался нами совсем безопасным,
с ним было почти покончено.

И вдруг из Крыма снова повел наступление деникинский прихвостень барон Врангель.

Откуда он взял войско, сколько у него сил? Откуда и как он может достать пополнения?

После поражения Деникина под Орлом часть добровольческого корпуса под начальством генерала Слащова, отступая вдоль железной дороги Орел—Курск, Харьков—Мелитополь, заперлась на Крымском полуострове и, при помощи английских боевых судов, сумела временно удержаться.

Но гибель этой шапки была близка, если бы не помощь Атланта.

После окопательного разгрома Деникина на Кавказе, корпус генерала Слащова был усилен остатками деникинцев, которым при помощи англичан удалось переправиться в Крым.

Оберегаемый английскими судами, Врангель начал устраивать свою армию. Он расформировал огромное количество штабов и управлений полков, дивизий и корпусов, которые после наших побед остались без солдат.

Из всего этого сброда Врангель сформировал четыре корпуса, 1 и 2-ой добровольческие, Терско-Кубанский и Донецкой.

В этих корпусах у Врангеля оказалось от 20 до 25 тысяч человек. Вот и все, что было у Врангеля при начале наступления.

Теперь к нему начинают прибывать пополнения из Грузии.

Остатки денкинских полков на Кавказе стали пробираться в Грузию, а грузинское правительство через Сулук-Кале и Ватум отправляет их в Крым в распоряжение барона Врангеля.

Таким образом, благодаря вероломству Грузии, барон Врангель сможет получить еще 15—20 тысяч человек. Это подкрепление—последнее, что осталось от добровольческой армии.

Конечно, с такими силами далеко не уйдет. И действительно, Врангель идет вперед с осторожностью; всяким быстрым продвижением он со своей бандой может сразу утонуть в море Красной армии.

Чтобы пополнить свои силы, постоянно уменьшающиеся от болезней и боев, барон Врангель объявил «патристическую мобилизацию» всех мужчин в тех местах, которые он занял.

На такой мобилизации сложил себе шею Колчак, так же погибнет и Врангель.

При малейшем отходе взятых силой крестьяне пойдут с Врангелем в Крым, а разбегутся по родным селам.

У генерала Врангеля останутся опять только одни штабы да казачьи. И уже тут-то мы с вами перекопимся не будем—спихнем белые банды в Черное море, и Крым будет Советским.

Но нужно спешить.

Чем скорее мы разобьем Врангеля, тем легче будет нам стоять победу.

Врангель под угрозой расстрела собирает пополнения из крестьян и думает заставить их идти на нас.

Чем скорее мы закончим с бароном Врангелем, тем меньше будет пролита крови рабочих и крестьян.

В. Кузач.

Еще один „спаситель“.

1. Спасители России.

С тех пор, как в России рабочие и крестьяне вырвали власть из рук буржуазии и передала ее своим избранникам в Советах, поднялись массы охотников «спасти Россию». Развелась целая армия этих «спасителей». Генералы, оставшиеся без армии, министры, прогнанные народом, дипломаты несуществующих государств, эконоцы, просто всякие проходимцы, мечтающие о власти и о возможности хорошо пожить на счет русского народа. Все эти самозванные спасители, удравшие из Советской России, сидели бы теперь в каком-нибудь парижском или лондонском кафе, и за рюмкой коньяку ругали бы неграмотных деревских мужиков, которые за-

думали строить государство без их просвещенной помощи. Ведь от этих ругательств никакой бы не было, если бы у этих «спасителей» не было поддерживающей их могущественной руки. Эта рука, рука Антанты, была всегда благожелательно протянута к ним. Антанты,—так зовется многоголовое чудовище, соединяющее в своем лице буржуазные правительства Франции, Англии, Италии и т. д.—давала им деньги, оружие, флот, инструкторов, насильно мобилизовала для них русских вооруженных, и создавала целые армии из всякого сброда для борьбы с рабоче-крестьянской Россией. При благосклонном содействии Антанты, Россия спасали Корнилов, Каледин, Краснов, Дутов, Колчак, Деникин, Юденич и много других хищников помещь-

Донецкий бассейн снова
в опасности

Грабительская рука тянется
к углю и железу Отруби
руку вместе с головой

ОТРУБИ РУКУ ВРАНГЕЛЕВУ

роде атамана Семенова на Дальнем Востоке и разбит бандитов на Украине. Неумолимо выдвигала их Агента одного за другим, и так же неумолимо русский народ, создавший Красную армию, уничтожал их одного за другим. Теперь появился новый любитель шассейки России от большевиков, генерал барон Врангель. Правда, он пока далеко не ушел, и конец его свисткам не заставит себя ждать, но все-таки не мешает нам, красноармейцам, познакомиться с тем, что представлял собою этот титулованный генерал.

2. Врангель и государственное устройство.

Генерал барон Петр Врангель — не просто генерал и не просто барон. Нет, он еще выполняет великое дело, добравшись переделывать весь государственный строй России. Посмотрим, какими же государственными устройствами думает этот почтенный муж облагодетельствовать Россию. В одном из своих манифестов он говорит:

«И съезду Учредительное Собрание, которое и выберет русскому народу хозяина». Вдумайтесь в эти слова, т. красноармейцы. Что такое Учредительное Собрание, мы уже знаем. Под этим флагом шел и Колчак, и Краснов, и осеры, и Деникин. Под этим флагом они вешали рабочих, драли розгами крестьян, и сажали помещиков в их старые, насиженные дворянские гнезда. Под этим флагом генерал Миллер в одной только Архангельской губернии расстрелял несколько тысяч рабочих и крестьян за их желание быть казнь рабами. Под этим флагом разогнали в повсюду рабочие и крестьянские советы и восстанавливались власть царских урядовиков, приставов и губернаторов.

Все генералы, кашинцы, пехотные и артиллерийские, и сам адмирал Колчак манили народ Учредительным Собранием, но они не заговаривали о том, какой будет у нас форма правления, монархия или республика (конечно, не Советская республика — это генералам не по дару, — а буржуазная). Все они мечтали о царе, но прямо об этом не говорили.

Только Врангель оказался откровеннее. Он так и заявил: «Учредительное Собрание выберет хозяина», т. е. царя. Что, в самом деле, будет за Россия, если в

ней царя не будет! Того и гляди — опять Советы разведутся. А при царе — крышка. При нем о Советах и думать и не спиклет.

Кто же этим царем на Руси будет?

«Учредит. Собрание выберет». Так говорит Петр Врангель, а пока суть да дело, велит понам в первую очередь служить молебны за здравие «благочерного болярца Петра», т. е. его же самого. За понами, конечно, остановки нет. Молебны служат. Да не падают. Красный воин царя не любит, и вместо молебнов придется за «болярца Петра» заушнейные служить.

3. Врангель и земля.

Но Врангель думает не только о царской короне. Нет, он думает еще и о мушкетерах облагодетельствовать, чтобы тот новому царю в ноги кланялся. А мушкетера известна, чем облагодетельствовать можно, — землей. Тут дело сложное: подарить землю мужикам нельзя по двум причинам: 1) земля, волею русского народа и Советского правительства, и без того вся в крестьянских руках находится; 2) не согласится господ поменники, дворяне и купчики, которые и так вопят, что мужикам их ограбили. Положение незатое: оставить землю за мужиками — отвернется все господство офицеры и буржуа, да и Агента, пожалуй, в понощи откажет (ведь там тоже буржуа верховный); отнимешь землю у мужиков — те забунтуют. Врангель — человек неглупый: решил остричь ошу так, чтобы она этого не заметила. На этот предмет издал Врангель такой земельный закон: вся земля (правда, с большими исключениями) пусть за мужиками остается, но только пусть они заплатят за это выкуп «по справедливой оценке». А справедливую оценку установит сам будущий царь, первый поленник.

Но ошибается генерал Врангель, считая русских крестьян дураками. Придется ему скоро убедиться, что русские мужики не собираются в кабалу идти. Это уже наше дело, красноармейское. Увидит генерал Врангель, что Красная армия не даст ему оккупировать русский трудовой народ, как не позволяла она этого ни Деникину, ни Колчаку, ни Юденичу.

В ШИШКИ КАРОНА ВРАНГЕЛЯ

4. Врангель и наше хозяйство во возрождение.

Врангель, однако, не только законы пишет и ма-
шифсты надает, он еще и воет. Пока он далеко не
ушел, однако в одной только Таврической губ. лопнул
он русский народ 100 миллионов пудов хлеба. Но он не
думает сидеть в одной только Таврической губ., он
высадил десант в Таганроге, он взял Александровск в
Екатеринославской губ. Правда, в Таганроге десант
его уничтожен, а из Александровска его Красная армия
вытерла в двое суток. Но все же посмотрим, куда он
метит? Из Таганрога думал он выйти на Дон и Кубань
и отрезать Советскую Россию от кавказской нефти.
Вы знаете, товарищи, что значит—отрезать от нефти?
Это означает: застой в промышленности, гибель транс-
порта и голод, голод и голод.

А чем грозил его поход на Александровск? Захватом
Донецкого бассейна. Донецкий бассейн, над возрожде-
нием которого так трудится Советская Россия, был бы
снова разрушен, угольные шахты залиты, и мы были бы
снова обречены остаться без угля, т.е. в холоде и тем-
ноте.

Вот, значит, какие подарки сулят нам генерал
Врангель: восстановление царской власти, выкупные
платежи за землю, голод, голод и тьму. Хорош благо-
детель!

5. Что мы дадим Врангелю.

Как же мы отблагодарим дорогого благодетеля за
его хлопоты о нашем мужицком счастье?

Мы сперва отправим его из крестьянских полей, Ме-
литопольского, Мариупольского и др. уездов Тавриче-
ской губ. на господскую дачу в Крым. Потом мы наве-
сем ему визит в Крым и выкупаем его в Черном море.
Если его не подберут там английские или французские
миноносцы, мы пустим его к себе и отведем ему в веч-
ное владение 2 аршина хорошей черноземной земли, а
чтобы он не издумал отказаться от нашего щедрого
подарка, мы добавим сверху оловянный кол с надписью:
«боярину Петру от Красной армии».

Семен Гарин.

ДА ЗАДРАВСТВУЕТ СОВЕТСКИЙ КРЫМ!

Антанта ужасно старается,
Гнойный пузырь надувается.

Будешь, Антантушка, каяться.
Вот как всё это кончается.

Объял барона страх великий,
Барон не знает, как тут быть:
Колчак, Юденич и Деникин!
Как их судьбу ему забыть.

Несутся огненные птицы,
Пожар, пожар со всех сторон—
На Колчаковскую гробницу
Льет слезы горькие барон.

Не все же горевать уныло,
Пора за дело—и барон,
Собрав остаток прежней силы,
Идет к Антанте на поклон

„Милорд, вы посудите сами:
У нас есть общие враги—
Мы большевистскими деньгами
Заплатим царские долги“.

Милорд, слегка склонив голову,
Как будто сжалился над ним:
„Возьми себе, барон, винтовку,
А там, что будет—поглядим“.

Великим рвением объятий,
Стремится Врангеля отряд:
Тут и кулак, и поп пузатый,
И старикашка-бюрократ.

Как вдруг ему навстречу, глядь-ка,
Идет Махно, кулацкий батька,
И наш барон бандиту рад,
Его приветствует как брат.

Союз идет у них по норме:
Кричит Махно и сыт и пьян:
Стоим на общей мы платформе:—
— Души рабочих и крестьян!

На левом ли на правом фланге-ль
Гремит баронский зычный бас,
Из Крыма хочет прыгнуть Врангель
С наскоку в угольный Донбас.

Но знай, бар'н, с тобою сладит
Солдат республиканский в миг
И, как жука, тебя насадит
На свой красноармейский штык.

Вперед—отпразднуем победу!
Ударь, рабочая рука!
Гони барона ты по следу
Деникина и Колчака

Дядя Емеля.

УНИЧТОЖЬ ТАДИНУ — ЗАКОНЧИШЬ ГРАЖДАНСКОЕ ВОЙНУ

В плену у Врангеля.

(Рассказ красноармейца.)

Два дня не видно было врангелевцев. Они где-то спрятались. Но чувствовалось, что где-то там за лесом, что гажется черной, недвижной стеной, бродят его разбойничьи банды. Ну кто было нацунать, разведать и ударить на них.

И я еще три товарища согласились отправиться на разведку.

Получив некоторые указания от ротного, мы вступили во влажный, черный лес.

Спереди и сзади шли ручейки; там-сям торчали темные пни.

Вдруг кому-то из нас послышалось, будто кто заговором шел.

И действительно, скоро раздались явственные шорохи.

— Ложись, — скомандовал я.

Все сразу легли.

Шаги приближались. И вскоре во мраке зашевелились темные фигуры.

— Пни, — скомандовал я снова. Темнота на минуту вспыхнула багряными искрами. Одна из приближавшихся фигур закачалась и упала. Другие побежали к нам.

Их было десятка два.

Я услышал голос одного из наших товарищей, — очевидно, сдвинувшегося с врангелевцем. Позади тоже боролся кто-то. И рядом отбивались другие товарищи.

Сколько длилась эта борьба — не помню. Помню только, как окружил нас, связали и повели.

Нобо на востоке потемнело. И четко проступили в утренних сумерках хаты с соломенными крышами. Издали забелеза деревенская церковь. Мы сразу смекнули, что в деревне этой находится штаб врангелевского полка.

Мы не ошиблись. Через несколько минут остановились у каменного дома — бывшей школы.

Белогвардейский фельдфебель пошел докладывать. Остальным караулили нас.

Опять прошло несколько минут, и в полуотворенную дверь я услышал чей-то резкий, сильный голос:

— Внеси их сюда... — И дальше следовали нецензурные слова.

Нас ввели поодиночке в загаженный коридор, потом в комнату с замощенными стенами, с обурками

пашире с некрашенным грязной полу, с опрокинутыми бутылками из-под вина на столе.

В углу у окна, развалился на диване, смотрели на меня два львиных глаза детурного офицера.

— Ага, вот... Стать, смир-р-р-р! — крикнул он вступил своим голосом, весь побагровев, — кто с т-а-а-бой разговаривает, а?

— Кто с тобой разговаривает? а? Коммунист, а?

— Коммунист? — продолжался доброс.

Я решил молчать до конца.

— Не скажешь, красная смутья! В сарай его! — рявкнул пьяный золотоголовый.

И меня повели в сарай. Вскоре туда привели и моих товарищей.

Я не испытывал отчаяния. Наоборот, глубокое спокойствие охватило меня: ведь все равно меня ожидало одно — висельца.

Почевали мы в сарае. А на следующий день нас снова потащили на допрос. Дежурным был уже другой офицер. И слыть ругали, толкали ногами и угрожали. Я молчал. То же и товарищи. Двем нас повели дальше с завязанными руками — в штаб дивизии.

И здесь был длительный допрос.

— Говорите, кто из вас против воли у красных — ничего не будет.

Мы и на этот раз не отвечали ничего. И золотоголовый капитан, ничего от меня не добившись, ударил меня по губам. Пошла кровь.

— Отравить, — крикнул он.

Вышли из штаба я, окруженные патрулями, двинулись дальше. Вечером нас посадили в поезд, и через день привезли в Симферопольскую тюрьму.

Симферопольская тюрьма, это — настоящий средневековый застенок. Средневековые пыльзиторы, вероятно, не могли придумать таких ужасных пыток, каким подвергались красноармейцы, поданные в плен к немецкому барону. Плетки, каленое железо, вырезывавшие язык — это обычные приемы пытки.

Меня связали и били об стену до тех пор, пока я не впал в безматяство от потери крови. Меня почему-то все время подозревали в коммунизме. Но я молчал, — я решил умереть или бежать... Одно из двух.

Питали не только коммунистов, но всех, попадавших в врангелевские лапы красных. Патешившиеся вдоволь, выдиривали по десятку, потом бросали в яму и закапывали.

Как-то перед вечером меня вызвали в тюремную канцелярию... Значит, сегодня конец,—подумал я. Но меня повели снова на допрос к какому-то важному врангелевскому генералу: меня безудовольно прицелили за ответственного партийного работника.

После допроса, по дороге в тюрьму мне удалось бежать. Я решил лучше умереть от пальной пули, чем подвергаться пыткам.

И бежал. Но мне открылась стрельба, была погоня. По спору меня потеряли из виду.

Переночевал я у одного еврея-ремесленника. Он саркастично меня на чердаке: каждую ночь в городе проносились облака, соприкасавшиеся убийствами. И, конечно, в первую голову страдали от облак рабочие кварталы и еврейское население. Каждый гражданин, выходявший на улицу после 12-ти часов ночи, схватывался, а на следующее утро труп его бегался на ка-

ком-нибудь фонарем следом. К трупам уже привыкли и не обращали на них внимания.

Я покинул Симферополь в один из июльских вестеров. По улицам Симферополя стеной шло золотопоголовье и рывало:

— Честь!

А в ресторанах, кафе-шантанах, кабаках теснелась пьяная вакхалия. Шел пьяный угар. Вино за-лось рекой: остро и противно пахло потом рыла, разлагавшихся женских тел. И здесь в виде и в раз-зроте врангелевские золотопоголовники тонили свою зомбу по «свальной, единой и неделимой».

И когда я покинул улицы города, задыхающегося в пенных научных запахах белогвардейщины, в шел черниной полями с нашим, я чувствовал, что это — последний шаг. Что им нечего терять, ибо все давно давно потеряно. И что очень близок час, когда от зарывающегося барона и его продажной своры не останется ничего, кроме праха. И над Краем навеют коммунистические стужи.

Илья Кавелин.

Верховный барон.

Деникин шел, шел на Москву, и дошел до самого Константинополя.

Теперь Врангель решил:

— Если Деникин дошел до Константинополя, то я могу идти и до самого Парижа. Деникин был генерал а я генерал. Какая между нами разница? Каждый ге-аврат объявил идти на Москву, раз его туда не везут.

И Врангель объявил поход.

Он обратился к своему верному оруженосцу ген. Славцу:

— Ну что, брат Славца, тебя уже били не раз, у тебя уже есть военный привычка. Тебе легко будет во-енать с большевиками.

Славца улыбнулся, вынул, крякнув, и, хлопнув барона по плечу, заметил:

— Ничего, барон, и вы привыкаете. Это не таа труно. Нужно уметь только одно: тебя бьют, а ты кричи—хочу воевать до победоносного конца. И когда придет тебе победоносный конец, то войди до второго победоносного конца.

— А воевать трудно?—робко спросил барон.

— Воевать?—генерал Славца безнадёжно махнул рукой.—Здесь, барон, нужно знать стратегию. Самое важное всегда бить большевиков. Допустим, мы, добра-вольцы, из Севастополя пришли в Екатеринослав. Значит, советские войска должны быть разбиты па-голову сначала под Екатеринославом, затем под Александров-ском, наконец, большевики должны потерять поражение в районе Херсона, и после того, как Советская армия будет окончательно разгромлена под Перекопом, мы должны забжать в Крым и запереть перешеек

английскими дагнбойными орудиями, теми самыми орудиями, которые присылает нам Ллойд-Джорж, чтобы не вмешиваться в наши дела.

— А что, если сирсигт.— вот вы бьете красных, а отступаете?

— Тогда нужно отступить: мы отступаем по стратегическим соображениям. Бог по стратегическим соображениям нам, может быть, придется отступить до Севастополя. Но, ведь, это же не отступление, а стратегия. Наука, брат. Простому человеку не понять.

— Ну как же это, брат Сашев, до Севастополя. Кто же поверит, что это только для стратегии. Для чего может понадобиться так далеко отступать!

— Как для чего?— рассердился уже Сашев. Колчак стремился к воссоединению с Деникиным. Почему нам к этому не стремиться? Теперь Деникин где? В Константинополе. Исное дело, что нам, по стратегическим соображениям, для воссоединения с генералом Деникиным, может быть, понадобится отступить до Константинополя. А мы на всякий случай уже готовили позиции?

— Где? Какие позиции— и должен подготовить? — встревожился барон.

— Да в Константинополе. Чорт возьми, как вы не понимаете, что отходить всегда нужно на заранее подготовленные позиции.

— А куда же мы тогда поведем свою армию? Что будет с нею? Ведь большевики варвары: они дерутся, когда добровольцы на них наступают, они уничтожают добровольческую армию, и не хотят понять, что великовозрастному, чтобы добровольческая армия уничтожала их.

— А бросьте, барон. Не плачьте. Солдат мы разместим: часть добровольческой армии отступит с нами в Турцию, часть в Румынию, часть к меньшевикам в демократическую Грузию. Вообще, пока существует турецкий султан, румынский император и меньшевистская партия— для нас найдется помощь. Часть добровольцев отправим в Париж, пусть там изучает политическое свободных стран, а затем мы их переформируем в жандармерские корпуса.

— А как же мы объясним, что добровольцы и в Бухаресте, и в Константинополе, и в Париже?

— Как чем? Простое дело: это нам необходимо для выпячивания фронта. Вот и все. Коротко и ясно.

По ушам таким образом у генерала Сашева все необходимые сведения, генерал Врангель оговял войну.

Прежде всего он выпустил манифест:

Всем нашим крымским верноподданным.

„Мы, милостью Божией, барон Врангель, царь Севастопольский, князь Симферопольский и верховный правитель всей Руси, объявляем всем нашим верноподданным, что для торжества демократической, республиканской, свободной царской власти признаем мы за благо пойти на Москву, уничтожить советы, дабы для рабочих и крестьян восстановить другой совет— Государственный Совет— тот самый совет, в котором так любил бывать обожаемый монарх Николай Александрович. Все, кому дороги дома и имена, все, кто за истинную свободу помещиков и фабрикантов, должны быть с нами, чтобы рабочие и крестьяне видели, что все бароны, все князья и графы, все те, которые всегда были друзьями бедных и угнетенных и теперь идут, чтобы освободить трудящихся от большевиков, и во главе всех баронов идем мы— барон Врангель, и мы клянемся, что не положим оружия до тех пор, пока красные у нас его не заберут. Англия объявила о своем нейтралитете, и потому мы можем надеяться на ее полную поддержку. Англия необходимо, чтобы мы взяли Донецкий бассейн и Кавказ, потому что Англия нужен демократический уголь и демократическая нефть, так как она борется вместе с нами за демократизм. Вперед, помещичьи сынки! На вас с надеждой смотрят крестьяне. Вперед, кто за истинную свободу торговли, и да поможет нам Бог!

Манифест произвел огромное впечатление на всех спекулянтов, и поход на Москву начался.

Врангель вышел за перешеек.

Многие англичане думают, что Врангель успеет больше Деникина.

— Как же— говорят они— Деникин был просто генерал, а Врангель еще и барон. В России баронов любят, русским рабочим и крестьянам будет трудно иметь у власти барона. Ведь, это же не какой-нибудь мужик-лапотник Калинин.

Что действительно ответят рабочие и крестьяне? Что ответят красноармейцы?

Свой ответ они уже дают в Варшаве. Они дают его и в Севастополе. Черное море не может остаться бедным морем, оно должно стать красным.

М. Дольский.

ГЕРОИ и МУЧЕНИКИ КРАСНОЙ АРМИИ

Герои и мученики Красной армии.

«Бронированный командир».

Так прозвал сам себя командир 61-го кавалерийского полка, тов. Поткин.

Тов. Поткин за время войны на Советских фронтах равен восемнадцать раз, — все его тело покрыто шрамами от ударов сабель, пик и разрыва снарядов.

Но бронированный командир непреклонно в каждом бою показывает чудеса храбрости и мужества.

22-го июня в бою с поляками тов. Поткин особенно отличился.

Поляки наступали пехим порядком на дер. Ч.

Поляки открыли отчаянный пулеметный и ружейный огонь.

Тов. Поткин, хромая и ругаясь на свою боль в ноге (от старой раны), шел вперед цепи с винтовкой.

У провололочных заграждений цепь останавливалась: казалось, что идти вперед было невозможно. Тут стоял от польских пулеметов.

Тов. Поткин выхватил палаш и с криком: «Цепь вперед!», лобовал к польским окопам, разрубал заграждения.

Воины кинулись за любимым командиром.

Поляки были так ошарашены, что бросились в бегство, оставили винтовки, пулеметы и вещевые мешки.

В этом бою тов. Поткин был ранен в руку, — но и эта рана не выбила героя из строя. Больной рукой он продолжал бить поляков. А когда ему предложили пойти на перевалку, он ответил: :

— Я бронирован от смерти. Теперь не время заниматься землетрясениями. Уничтожим панов — тогда можно и на перевалку идти.

И ломаной повозки панам не оставил.

Во время неожиданного налета поляков на наше расположение обозы рот и некоторых команд стали спешно отходить, так как были на передовой линии.

В одной из повозок попомалась оглобля, и ее бросили.

Старшина команды связи, тов. Алексеев, возвращаясь, увидел знакомую повозку в разобранном виде, потому, что колеса уже съезли крестьяне.

Несмотря на то, что поляки были уже совсем близко, тов. Алексеев принялся собирать повозку, попросив отходивших вместе с ним красноармейцев, чтобы те отстреливали, пока он исправит повозку.

Исправив повозку, тов. Алексеев сам запрягся в нее и со словами: «И ломаной повозки панам не отдадим!» — под обстрелом наступающих его поляков утащил повозку в безопасное место.

Верные слухи Революции.

Во время боев за рекой Горынь 1 батальон 2-го артиллерийского дивизиона не могла передвинуть одного орудия: лошади падали от усталости.

Герои-артиллеристы, зная, что орудие должно попасть в руки поляков, решили защищать свое место до последней капли крови.

Надлежащим поляками были зарублены 5 лучших товарищей.

Остальные, отбив нападение противника, приложили все усилия, чтобы спасти орудие. Орудие было спасено. Все герои были представлены к награде и все от нее отказались.

— Самая большая награда для нас то, что мы боремся за свою власть, за свое будущее и за своих детей, — так сказали герои.

Баронской кляче—тпру!

Прямо с крымской дачи на тощей кубанской кляче грозный, как фараон, едет к нам в гости барон. На руке у барона под дырявой козыней орел—не орел, ворона—не ворона. Смейся, что это значит.

Тут же вприпрыжку скачут баронские подлипалы, спекулянты, помещики и прочие обиралы.

Смеется барон—ха-ха! Пушу я красным красному пегуху. Сокрушу советы единым я махом и поведу в кремле боярином Петром Мономахом. А за спиною у тонкого русского барона сидит толстая французский персона и русские шиши переводит на французские барыши: проще говоря—смотрит в книгу и видит красноармейскую фигу. За тобою слово красный боец! Положи этой истории конец.

Кубанской кляче тпру!

Амиць—боярину Петру.

Издатель: Литер.-Изд. Отд. Полит. Уп. авт. Республ. Сов. Республики.

Редактор: Редакционная Коллегия.

Москва, типография «ИЛ» Интернационала, Страстной бульвар, д. 3.